

От редакторов

Предлагаемый Вашему вниманию сборник статей является одним из итогов работы большого интернационального коллектива молодых этнологов-сибиреведов по проекту «Постсоветские политические и социально-экономические трансформации у аборигенных народов Севера Российской Федерации: административная политика, права и прикладные стратегии». Проект был поддержан Юбилейным фондом Банка Швеции. В течение четырех лет, с 2001 по 2004 гг., его участники проводили полевые исследования в самых разных регионах Сибири с целью понять, показать и проанализировать основные черты современных сложных процессов вживания «малочисленных народов» в постсоветскую реальность и их взаимоотношений с государством.

Важно подчеркнуть, что изначально запланированным итогом работы должна была стать не подготовка неких промежуточных и итоговых отчетных презентаций в виде докладов или статей (их число приближается к пяти десяткам), но, прежде всего, создание фундаментальных научных текстов, которые позволили бы их авторам – в случае успешной защиты – претендовать на получение кандидатских (в случае с западными коллегами – PhD) и докторских степеней, а самим текстам в виде монографий стать весомым вкладом в развитие этнологического сибиреведения. В последнем обстоятельстве нам виделась и практическая образовательная значимость проекта – подготовка высококвалифицированных кадров этнологов-сибиреведов в России и за ее пределами.

На разных этапах и с разной степенью продуктивности в исследованиях участвовали 16 человек: российские аспиранты (соискатели) и докторанты Института этнологии и антропологии РАН – Е.П. Батянова, А.Ю. Вахрушев, к.и.н. А.П. Зенько, А.Ю. Карпухин, Н.А. Месштыб, Л.И. Миссонова, М.Н. Ошурков, К.В. Пименова, к.и.н. Н.В. Плужников, к.и.н. А.А. Сирина, В.В. Тишков, К.Г. Шаховцов, финская докторантка департамента политологии Университета Хельсинки (post-graduate student, соискательница степени PhD) Милла Ханнула и шведские докторанты департамента культурной антропологии Упсальского университета – Ульрика Йернстрём, Влада Владимирова и Ульрика Перссон-Фишиер. Многие из участников, особенно с российской стороны, даже те, кто к началу работ по проекту не имел степени кандидата исторических наук, уже обладали большим опытом полевых исследований, а в их послужном списке значились десятки опубликованных статей, а порой и монографии. Высокая квалификация и изначально широкий спектр интересов позволили уже в первый год работ активно и профессионально вести исследования в Томской и Кемеровской областях и на Таймыре, в Иркутской области и Якутии, в низовьях Амура и на Чукотке, в Ханты-Мансийском автономном округе и на Сахалине.

География постепенно расширялась с включением в проект новых исследователей и новых тем.

Уже через полтора года после начала работ по проекту, в мае 2002 г. оказалось возможным собрать международную научную конференцию в г.Упсала (Швеция), где были заслушаны и обсуждены 15 докладов с первыми серьезными результатами научных исследований. А в ноябре 2002 г. была защищена первая кандидатская диссертация, выполненная в рамках этого проекта. Ее автором стала Елена Петровна Батьянова, на огромном архивном и собственном полевом материале проанализировавшая многообразные функции рода и общины у телеутов на протяжении последних двух столетий.

Книга, которую Вы сейчас держите в руках, составлена на основе текстов докладов, представленных на упомянутой выше конференции. Идея их издания возникла сразу же, но первоначально речь шла обо всех докладах и лишь о публикации на английском языке, которой, впрочем, так пока и нет. Учитывая то, что основная территория проведенных этнографических работ – Россия, а сами статьи посвящены российским народам, мы решили подготовить некоторые из них и для российского читателя. Идя на это, мы вполне отдавали себе отчет в том, что в итоге не удастся получить двух абсолютно идентичных версий книги: в частности, версия на английском языке будет более полной по составу авторов.

Переживаемое сейчас российской этнографией/этнологией время в чем-то роднит эту научную дисциплину с ее российской же предшественницей столетней давности. Как и тогда, на рубеже XIX-XX веков, нынешнее поколение молодых этнологов активно пытается ехать в «поле» и анализировать современные им общества, их нынешний социальный и культурный облик, их общие и частные современные стратегии и тактики адаптации в период кардинальных общественно-политических и экономических трансформаций. Но есть и отличия, причем в ряде случаев значительные.

Сто лет назад российская этнография – это общепризнанно – находилась на передовых рубежах мировой науки, имея в своем арсенале великолепно разработанную и еще не успевшую отойти в небытие у западных коллег эволюционистскую методологию и связанные с нею методы познания народов и культур. В отношении же сегодняшней российской этнографии, как показали дискуссии начала 1990-х, единых оценок нет, да, наверное, в силу сложности процессов, и быть не может. Есть сторонники определения состояния дисциплины термином «кризис»¹, так же как есть и противники столь резкой оценки.

¹ См., напр.: *Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // *Этнографическое обозрение*. 1992. №1. С.5-19; *Tishkov V.A.* The Crisis in Soviet Ethnography // *Current Anthropology*. 1992. Vol. 33. No.4. August-September 1992. P. 371-394. Более четкая характеристика позиции авто-

Как показывает анализ современной ситуации в ведущих российских сибиреведческих научных центрах², не обязательно говорить лишь о «кризисе». В сибиреведение все чаще идут люди не только со свободным владением родным нерусским языком или как минимум с базовыми знаниями языков сибирских аборигенов, но и с одним, а то и двумя-тремя европейскими и восточными языками. Резко изменившиеся условия для открытого международного сотрудничества, несмотря на множество проблем в поиске корректных взаимоотношений с зарубежными коллегами, позволили многим ученым так или иначе вписаться в мировое сообщество этнологов: в ходе выполнения совместных проектов, участия в международных конференциях и, что самое важное, в деле активного освоения новых методов работы, в том числе и новых методов полевой работы. Возможно, такое положение дел кто-то определит как очередную попытку «догнать и перегнать», но, думается, что это будет не совсем верно. Речь, скорее всего, следует вести о глобализации научного знания и снятии каких бы то ни было запретов на возможность его получения. Молодые люди, идущие сейчас в этнологию, просто-напросто имеют возможность видеть перед собой всю палитру научной мысли, к необходимости постижения законов которой они относятся достаточно спокойно. Разница с предыдущими поколениями студентов и аспирантов состоит лишь, во-первых, в объеме знаний, который необходимо усвоить для того, чтобы начать профессионально работать, и, во-вторых, и это главное – в *бóльших возможностях* эти знания получить.

Статьи, представленные в данном сборнике, оказались достаточно разными. Они разнятся и по методам сбора и анализа полевых и архивных материалов, и по подходам к вычленению основных проблем в этом материале, и, наконец, по стилю. Тем не менее, ре-

ра, вместе с некоторым ее переосмыслением, содержится в недавней монографии В.А. Тишкова «Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии» (М., 2003. С. 27-34).

² Из последних – порой диаметрально противоположных в своих оценках – попыток общего анализа состояния постсоветского этнографического сибиреведения см., напр.: *Schweitzer P. Siberia and Anthropology: National Traditions and Transnational Moments in the History of Research. Habilitationsschrift. Wien, September 2001*; *Лукина Н.В.* Наука как форма общественного развития северных этносов. Томск, 2002; *Вахтин Н.Б., Сирина А.А.* «Кому принадлежит сибирская этнография?» Размышления после международного семинара по методике и этике этнографических исследований на севере Сибири // ЭО, 2003, №3; *Функ Д.А.* О работе организаций вне и внутри Сибири, действующих в области сохранения и возрождения традиционной культуры и фольклора в Сибири: обзор состояния и основных проблем (тез. к докладу ...) // Семинар по выполнению рекомендации ЮНЕСКО (1989) о сохранении традиционной культуры и фольклора в регионе Сибири Российской Федерации: Сб. выступлений участников семинара, август 2001 г. Якутск, 2003.

дакторы не посчитали себя вправе настойчиво вмешиваться в авторское видение того, как именно должен выглядеть т.н. «научный текст», пытаясь показать на этих примерах многообразие современного российского этнографического сибиреведения.

Представляемые нами работы составили два тематических блока, в которых рассматривается современная практика экономической и социальной адаптации аборигенов Сибири к постсоветским трансформациям.

Путь, избранный авторами для показа глубины и сложности этих процессов, в ряде случаев идет через демонстрацию ситуации в целом в какой-либо одной жизнеобеспечивающей отрасли, например, в оленеводстве (Н.В. Плужников) или в морском зверобойном промысле (А.Ю. Вахрушев), или же у аборигенов одного экономического региона – у таежных охотников Иркутской области (А.А. Сирина) или у жителей Ульчского района Хабаровского края (Н.А. Месштыб). В ряде случаев это некий «частный случай», проанализированный на примере какой-либо одной достаточно малочисленной этнической или территориальной группы. Статья К.Г. Шаховцова является такого рода работой, посвященной самоидентификации южных селькупов, а Л.И. Миссоновой – истории возникновения разнообразных вариантов официальных фиксаций уйльта³ Сахалина и связанных с этим современных проблем. Достаточно редкий даже для современного сибиреведения этнологический сюжет – институт лидерства – стал предметом анализа на телеутском материале (см. ст. Е.П. Батьяновой). Имеется в книге и попытка отхода от собственно, если можно так выразиться, *этнических* маркеров в выборе объекта социально-антропологического исследования: ею стала статья А.Ю. Карпухина, в которой автор попробовал обратиться к феномену современного северного «национального» поселка.

Не так давно в «Независимой газете» была напечатана статья Андрея Картунова и Ирины Лактионовой «Гуманитарии объединяются по сетевому принципу» (14.04.2004), в которой авторы – во многом справедливо – сетуют:

«...ни для кого не секрет, что в международных проектах российская сторона обычно выступает в качестве поставщика первичного научного «сырья» (данные опросов, результаты экспедиций, новые архивные материалы и пр.), а подготовка самого научного «продукта» осуществляется где-то в Америке или Западной Европе. Как и в экономике в целом, экспортный потенциал российских общественных наук пока носит (так в оригинале.

³ И здесь и в статье Л.И. Миссоновой сохранено написание «уйльта», как фонетически наиболее точно отражающее самоназвание данной этнической группы. Согласно итогам переписи населения России 2002 года, 72 чел. определили себя как «уйльта», 42 – «ульта» и еще 37 – «ульта (ороки)» (www.perepis2002.ru). – Прим. ред.

Д. Функ, Х. Бич, Л. Силланпяя

– ред.) ярко выраженный сырьевой характер».

Надеемся, что представленные статьи – собственно «научный продукт» – будут интересны и важны не только для этнологов / социальных антропологов, политиков или экономистов, но и для самих людей, которым они посвящены, коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

Руководитель и координаторы работ по проекту выражают искреннюю признательность рецензентам книги З.П. Соколовой и О.А. Мурашко за их благожелательные отзывы.

Авторская работа над статьями была завершена в июле 2002 г.

Дмитрий Функ, координатор российской части проекта,

Хью Бич, руководитель проекта,

Лённард Силланпяя, финский координатор проекта